

Слёзы Турана-14: Законы базара

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана-14: Законы базара ЗАКОНЫ БАЗАРА

Самарканд – украшение земли...

Из восточной песни.

После смерти одного из самых крупных властителей XII века – Мелик-шаха, завоевавшего когда-то земли, расположенные от Памира до Средиземного моря, в государстве сельджукидов начались смуты. Многие из эмиров и ханов стали претендовать на самостоятельность. Они отказывались платить налоги, поставлять для армии воинов, коней, продовольствие. Власть султана султанов таяла и меркла. К этому времени активизировали свои действия исмаилиты. Наглость их не знала предела: один из главарей ордена Абд ал-Малик-Атташ захватил из построенных Мелик-шахом дворец Дизкух, угрожая своими войсками сто-лице государства. Несколько лет войска сельджукидов осаждали эту крепость, но так и не добились успеха. Окончательно разделаться с врагом хорасанцам помешала война с крестоносцами, которые к этому времени уже зверски грабили азиатское побережье, отправляя груженные караваны через Средиземное море в ненасытную Европу.

Воспользовавшись создавшимся положением, исмаилиты стали еще более наглеть. Где подкупом и ядом, а где кинжалом и доносами утверждали они свои убеждения, а тем самым и власть. Но неожиданно перед ними встало такое большое препятствие, как султан Санджар, который сумел жестоко подавить попытки раздробить великое государство сельджукидов. Но разве пыль не найдет трещину? И как для наползает на побеги молодой алычи, так исмаилиты об-ложили молодой Хорезм, эмиры которого помышляли выйти из-под крыла Мерва и получить независимость. Но султанские ищейки внимательно следили за подчиненными, среди которых разгоралась борьба за власть, и особенно у

духовенства и военачальников. И стоило лишь просить яблоко раздора, чтобы водопад гнева разрушил все плотины.

Коварные и расторопные исмаилиты хорошо были осведомлены о настроениях в Самарканде и мервском дворце.

* * *

...Самарканд. Об этом городе на Востоке ходили легенды. Его богатством восхищались и в Дели, и в Мекке, и в Константинополе. О золоте, спрятанном в кованых сундуках этого города, мечтали в Китае и других сильных странах.

«Эта земля богата всем: и хлебом, и вином, и плодами, птицами, и разным мясом; бараны там большие и с большими хвостами; есть бараны с хвостами весом в 20 фун-тов – столько, сколько может человек удержать в руке. И этих баранов столько и они так дешевы, что даже тогда, когда царь был там со всем своим войском, пара их стоила один дукат... Хлеб так дешев, как нельзя больше, а рису просто конца нет...», – так писали об «украшении земли» географы тех времен.

Самарканд был построен, как многие восточные города. Сердцем его была огромная цитадель, стены которой неприступны, ворота окованы толстым железом. Вокруг эмирского дворца теснятся дома сановников. Все это охранялось стражей, храбрость которой была проверена в битвах, а жестокость и неподкупность воспеты поэтами Востока. А дальше, по ту сторону канала, ютились мастерские, служители мечетей, скопище грязных лачуг вольноотпущенников и базары, воспеты поэтами востока также ярко, как жестокость и неподкупность эмирской стражи.

В день святой пятницы базары Самарканда, как всегда, шумели морским прибоем. В этот день через аральские ворота поступило много нового товара.

– Люди Самарканда – лучшего города на Земле и во вселенной! – кричали на улицах, площадях и базарах глашатаи. – Слушайте и не говорите потом, что вы не слышали! Сегодня на базары из Булгарии прибыли соболя, белки, мед, лесные орехи, славянские рабы и рабыни, клей, рыбий зуб, амбра, соколы, кольчуги и сухая береза!.. Спешите на базары, люди славного Самарканда!

Идите на базары и не говорите, что вы не слышали!

Глашатаи с утра надрывали горло, а базарные старшины уставали, распределяя места в лавках и под навесами, заказывая купцам лучшие комнаты в караван-сараях. Вольноотпущенники не успевали подвозить из песков саксаул. В чайханах закупались для гостей лучшие бараны. Здесь же канатоходцы натягивали свои канаты, борцы готовили ковры, брадобреи и лекари раскладывали инструменты на узорчатых платках...

Главный базар кипел. Славя имя аллаха и пророков его спокойно пил чай лишь горбун, слывший в Самарканде хозяином кукольного театра, знатоком и толкователем законов базара. Хотя наступил тот час, когда погонщики ослов получали с зеленщиков первые таньга за доставленный товар, ал-Хазари спокойно заканчивал свой завтрак, восхваляя хозяина за вкусный чурек. Он оставался спокойным и тогда, когда слепой дервиш в остроконечной шапке, с белой повязкой передал ему пиалу, ко дну которой был приклеен шарик гашиша – знак, утверждающий задуманное. И только тогда, когда через ворота, прорубленные в стене мечети прошла толпа, кукольник собрал в мешок остатки еды и перешел на небольшую площадь у эмирского дворца.

Народ собирался толпами. Самаркандцы кричали, требуя внимания к своим выборным. А когда вооруженный аварец погрозил им мечом, люди сорвали коновязь и концом бревна ударили в ворота. За дворцовой стеной всполошились. И через некоторое время в разные концы города из дворца помчались всадники.

– Правoverные! – призывал слепой дервиш, подавший горбатому кукольнику пиалу с шариком, – кто из вас не знает, что в четырех углах Каабы – четыре окна, и в каждом из них вставлено стекло?.. Ибо святое место пророка должен видеть всякий, кто решил отречься от земных благ. Кто не знает, что стены Каабы покрыты золотыми надписями?.. Кто не знает, что на теле этого камня следы ног Авраама?.. Темные силы истощают душу народа через тех, кто отрешился от своего учения и продает душу и плоть дьяволу. Каждый мусульманин должен оставить на земле отпечаток своих ног, как Авраам на камне пророка! А там, за дворцовой стеной, оставляются следы человеческих преступлений. Там продается душа дьяволу!.. Кто прочтет мне из корана суру,

в которой говорится о том, что мусульманин должен употреблять вино? Кто скажет мне хотя бы одну заповедь Магомета о том, что грешники должны возглавлять ремесленные общины? Мусульмане! Да воздадим должное справедливости! Да будет наказан сатана в лице Арслан-хана! – дервиш, потрясая посохом, направился к воротам дворца и долго стучал в них палкой.

– Эй, сыны греха! – кричал дервиш. – Если вы не хотите гореть в аду, не продавайте свои души дьяволу! Откройте ворота и встаньте со славными самаркандцами в один ряд! Обратите свое оружие против тех, что сегодня ночью убили одного из самых святых людей Самарканда. Смерть Арслан-хану! Пусть проказа разъест его тело, разбитое параличом от разврата!..

– Разнесем дворец! – кричали оборванцы с базара, обкутившиеся анашой.

– Он не хочет принимать посланцев народа, растрачивая ваши деньги на своих наложниц! – кричал дервиш, потрясая посохом.

– Мы требуем справедливости и правды! – поддержали его амбалы, бросая в ворота дворца камни и мусор.

Заслышав крики у стен дворца, заволновался базар. Многие торговцы и ремесленники давно были недовольны большими налогами, податями и разгульной жизнью, которая кипела там, за высокой каменной оградой. Амбалов поддержала базарная чернь. И уже к вечеру по городу ходили толпы, вооруженные ножами и топорами. Ночью кто-то разграбил лавки северных купцов и караван-сарай, где хранились товары из-за Аральского моря.

Когда все кварталы города облетела весть о том, что убит правитель Самарканда Насра, сын заболевшего Ар-слан-хана, на площадях и улицах начались беспорядки: горожане нападали на стражу, заваливали ворота города камнями, овладели подвалами и оружием и приняли осадное положение, отказавшись платить налоги.

Весь этот день горбун провел на базаре, внимательно вслушиваясь в разговоры самаркандцев. А поздним вечером кукольник свернул ширму, сложив в старый хурджун куклы, и направился в один из отдаленных кварталов города, где его ожидали.

– Вы невредимы, мой учитель? Я так волновалась за вас, –

встретила горбуна Аджап дрожащим голосом.

– Благословение Аллаха сошло на наше благородное дело, дочь моя. В стенах началось то, что было задумано в замке исмаилитов. Азраил явился к дверям дворца и душа сына Арслана-хана теперь покоится в царских садах, – ответил кукольник, снимая рваный халат и усаживаясь у мангала с горячими углями. – Надо думать, что по воля всевышнего мы скоро переправимся из этого города в степь и там будем вершить свое праведное дело. Мы поедem к горным огузам, среди них будем распространять наше учение. Ибо каждый мусульманин должен думать о том, как расширить границы святого ислама. А в Самарканде нам делать больше нечего. Здесь все идет так, как мы задумали. И скоро султан Санджар потеряет здесь немало крови тем самым давая нам возможность быть еще сильнее.

– Учитель мой, мне говорили, что горные огузы не столько невежественны, что попирают учение, дарованно аллахом, поклоняясь лишь солнцу, ножу и мечу.

– Подвинь ко мне ближе еду. Садись рядом. Ибо каждый потрудившийся должен восстановить потерянное. Я так голоден, что готов съесть целого барана, чтобы заставить умолкнуть голос желудка.

Опустившись на кошму, горбун глубоко запустил руку в деревянную миску, перетирая коричневыми осколками зубов тугие жилы баранины. Из темноты комнаты показалась гибкая фигурка в белом одеянии. Аджап положила перед горбуном пучок ароматных трав.

– Разве Аллах, сотворяя мир, закончил работу в один день? В нашем благородном деле, дочь моя, нужно огромное терпение. Ведь самый дикий конь в руках умелого наездника становится послушным. Запомни, как бы ни были дики огузы, мы накинем на них аркан нашего учения. Такова цель нашего ордена исмаилитов. Сочинила ли ты новые дестаны? Вчерашние были настолько хороши и заразительны, что амбалы после чтения их кинулись бить ростовщиков. Я поскорее убрался, чтобы не испробовать кулаков. Мне хорошо заплатили сегодня за представление. Вот деньги, приготовь на завтра обед получше.

– Учитель, я очень боюсь среди огузов сеять семена

мусульманской проповеди. Говорят, что они вытаскивают за ноги из своих жилищ всех, кто хочет склонить их к исламу. А тех, кто упорствует, не мигнув глазом, разрубают на четыре части. Они ненавидят мусульман, как злых недругов.

– Когда Магомет возвращался из пустыни, в Медине ему повстречался путник. Магомет спросил его про то, какие люди живут в городе? И тот ответил: там обитают одни разбойники... А второй путник утверждал, что в городе живут одни лишь ангелы. Повстречался и третий путник, который так рассудил: в Медине есть и плохие, и хорошие люди. Дочь моя, мир населен и разумными тварями, и скользкими рыбами, и божественными бабочками. И кто осудит поведение каждого из них, если сам пророк, выслушав три мнения, ни одно из них не осудил. Я видел сегодня, дочь моя, как трудно нашему ордену укреплять веру в единственно правильное учение исмаилитов, которое благословляется аллахом. И тот, кто идет по этому пути, тот идет прямо в сады рая. Знай же, дорогая дочь, что если один огуз пытается воспротивиться исламу, то другой – с радостью примет его. Разве Тогрул-бек, Мелик-шах и султан Санджар не падают ниц перед всевышним небом! А они тоже огузы. Мы должны быть осторожны, как леопарды на охоте. Мы не устанем собирать плоды для нашего ордена и верных его служителей, – ал-Хазри отпил из глиняного кувшина фруктовой воды и долго жевал сухие финики.

С покровительственным видом горбун снова обратился к Аджап:

– Разве ты вчера не испугалась, когда узнала, что султан подарил тебя мне – исмаилиту? Разве ты не задумывала плохое, пока не узнала, что члены нашего ордена решили спасти славную певицу двора, узнав о черных замыслах Санджара? Справедливость – вот высшее, что руководит нашим орденом. Ведь это исмаилиты через верных людей хитро и тихо подсказали султану подарить тебя мне, как бы этим рассчитавшись за поступок Зейнаб. Это было трудно сделать. О, как все трудно в нашей жизни!.. И ты верно говоришь, дочь моя, что с бедными кочевниками будет трудно бороться. Но знамя победы уже дано нам сегодняшними событиями в Самарканде.

– Учитель, мне боязно!.. Борьба за святое учение, о котором

вы мне рассказали, так жестока, что нужно ли это учение, если оно сопровождается таким страшным насилием?

– Любезная, ты начинаешь говорить недозволенное! Повелеваю – завтра же в утренней молитве постарайся отдать в пять раз больше поклонов, чем всегда. Да пусть аллах не прогневается за твою неумную и опасную мысль. И запомни раз навсегда, дочь моя: люди – это стадо!.. Им обязательно нужен пастух. А предводителем этого стада должен быть наш Орден. Приемы наши не жестоки. Просто люди, которые не хотят уступить нам дорогу, сами понуждают нас на такие способы борьбы. И все-таки главное в нашем деле – сбить с дороги вожаков стада, а когда вожак прыгает в реку, отделяющую грешную землю от рая, то стадо само бросается за ним. Мы расшатаем устои сельджу-кидов и перехватим власть. Говоришь, жестоко? А бедная Зейнаб, решившая принести себя в жертву во имя вашей любви, разве достойна такой страшной участи? Утопить в Мургабе прекраснейшую женщину... Бывшую возлюбленную. Да отсохнут у подлого султана руки! А каким пыткам хотел султан подвергнуть тебя за послушание? Когда храбрый Ягмур узнал про это, он на коленях умолял выручить тебя...

– Как странно устроена судьба. Еще вчера Ягмур хотел отомстить тебе, учитель, за мастера Айтাকা, а сегодня конь судьбы повернул в иную сторону, – отозвалась Аджап, сжимая в руках кинжал, который она подарила Ягмуру, провожая его из Амуля в Мерв с вестью о смуте в Самарканде.

– Перст судьбы унизан многими кольцами. Ягмур хотел отомстить мне за мастера Айтাকা, это верно. Но когда храбрый юноша узнал истину, копье его ненависти повернулось против султана. Коварный Санджар потому и утопил Зейнаб, что она знала, кто убил соперника, претендовавшего на трон султана Хорасана. Про все это Ягмур узнал после, как занес надо мною меч... Мне ничего не оставалось, как доказать свою преданность, и я решил через членов нашего ордена спасти тебя. Вот так, моя Аджап, ты очутилась в безопасности.

– Трудно все это понять, – не сразу ответила Аджап, – и если бы не кинжал, который я сама подарила Яг-муру, трудно было бы оправдать сделанное...

– Ты жива и здорова – вот главный довод в пользу сказанного. А могла бы и ты, как Зейнаб, с камнями на шее покоиться на дне Мургаба. И в боях за Самарканд ты можешь с мечом в руках отомстить за свое горе и печаль.

– А как живет мой отец?

– Доброму хранителю библиотеки надо послать письмо, рассказать о помощи нашего ордена и о твоём благополучии, прекрасная Аджап. И пусть твой отец в своих молитвах призывает небо к возмездию, которое я готов совершить собственной рукой.

– Как же так! Вы столько лет служите султану?

– Только стены библиотеки, где мы с твоим отцом можем быть откровенными, знают истину. Я замечаю, как ты боишься смотреть на мое изуродованное тело, которое было когда-то стройным и сильным, как у джигита Ягмура. Мой нос перебит... Я окосел и горбат. Когда-то палач разрезал мои пятки и насыпал в живые трещины мелко нарезанный конский волос, чтобы я мог ходить только на цыпочках. Я знаю, чье это дело... С тех пор я мщу Санджару, бросившему меня в руки палача. Изуродован я за то, что служу ордену исмаилитов.

– Но почему ж вы сейчас в Самарканде?

– Султан послал вынюхивать... И вот горбатый кукольник, отлично знающий законы базара, дует на искры костра, охватывающего весь город. И как хорошо способствуют этому твои дестаны и пьесы, пропитанные злостью к султану Санджару. Я уверен, что скоро Самарканд будет воевать с Мервом. Пусть льется кровь двух наших врагов – мы будем ее пить!.. А сейчас, дочь моя, ложись спать. Да ниспошлет тебе аллах приятные сновидения, очищающие душу от грехов.

– Благодарю, учитель Я верю в ваши слова, но направить баранов с золотыми рогами по нужной нам дороге трудно. А если и удастся это сделать, то ведь не всегда стадо идет за вожаком. Если Тогрул-бек принял ислам, то дальние огузы остались огнепоклонниками?

– Что с тобой, дочь моя? Ты опять говоришь недозволенное. Какой шайтан приходил к тебе сегодня в гости, когда я играл на базаре твои пьесы? Надо верить в наше учение, не осуждая в нем ни строчки... Ибо не может червяк понять замыслы садовника.

– Мой учитель! Но ведь тот же червь гложет и точит садовника в могиле, разносит прах его мозгов по земле...

– Он точит лишь, тело, как яблоко. Но душа, возвышенная душа остается во власти самого аллаха. А наше учение сильно тем, что оно похоже на ту точку опоры, которую искал Архимед, чтобы перевернуть землю, – ал-Хазри поудобнее улегся на кошме, накрыл уставшее тело халатом. За стеной залаяли собаки, перекликались ночные сторожа. – А за недостойные мысли ты завтра сделаешь три утренних намаза и сходишь в мечеть к имаму, чтобы он очистил твою душу от грехов.

– Я все сделаю, как вы приказываете, мой учитель. Но червь знаний гложет мою душу. Я хочу перед сном задать вам еще один вопрос. Зачем понадобилось эту точку опоры искать в Самарканде?

Горбун недовольно завозился под халатом, откинул его и приподнялся.

– Пыль многих стран лежит на моих плечах. Я многих людей повидал и много дум передумал. И я скажу, что видел в тебе только девушку, дочь моя. Но теперь понял: аллах наделяет тебя наблюдательностью мужчины, которая требует многих разъяснений. Сегодняшний вечер на многое открыл мне глаза, и я объясню тебе то, что объяснил бы не каждому. Ты еще не посвящена в исмаилиты, но делаешь так много для нашего ордена, что имеешь право удовлетворить свою жажду знаний. Запомни, если наши владыки хотят поймать живым льва, то они долго гоняют его по пустыне. А когда он теряет много сил, тогда набрасывают на зверя сеть. Можно ожидать, что чем больше будет смут в государстве сельджукидов, тем слабее оно будет. Настанет день, когда исмаилиты накинут свой аркан на шею Мерва.

– День, который я хотела воспеть в стихах! – вздохнула Аджап.

– Неделю назад ты, как и Ягмур, хотела мне мстить... А сейчас я доверяю тебе святое святых нашего ордена. Если бы слышал это султан, меня повесили бы за ребро на крючке мясника. Запомни и другое: тридцать лет в Самарканде жил шейх, прозванный «одетым в войлочную одежду». Он питался только овощами, и всякого, кто пил воду святых водоемов, гнал из Самарканда. Ремесленники и землепашцы считали его совестью и честью Хорезма, истинным

мусульманином, который ограждает их от несправедливости злых и подлых людей. Шейх умел в любое время дня и ночи подойти к повелителю... И вот прошедшей ночью люди разврата убили святого самаркандца, – потирая руки, горбун многозначительно подмигнул. – Теперь надо направить бурный и грязный поток в нужное русло, и тогда двенадцать тысяч мамлюков Арслан-хана поднимутся против стотысячного войска Санджара. Дай время, дочь моя, и великое учение исмаилитов – тень знамени пророка, плотно накроет весь Хорасан, а мы сумеем отомстить за наши обиды. Хорасан!.. Какое сияющее, небесное слово. Хорасан– это значит – обиталище солнца... оттуда оно поднимается и уходит светить миру.

– Учитель, а если Санджар не повернет своего коня, не захочет воевать против верного слуги – Арслан-хана?

– Ну и что ж! В нужное время дэвы накинут на глаза султана черное покрывало, – зашептал горбун еще жарче. – Скоро султан поедет на охоту, где его стража поймает десять человек, подосланных Арслан-ханом... В колчанах этих воинов найдут отравленные стрелы. Палач будет вырывать им мясо раскаленным железом до тех пор, пока они не расскажут о своем черном замысле... Такие дела, дочь моя. А теперь иди на женскую половину дома и спи. Завтра нам предстоит тяжелая работа. Арслан-хан уже послал за помощью к Санджару. Иди и поспи, дочь моя. Taryhu proza